

ние скручивания и полученная в этом случае нить воспринимались как сакральные, обладающие магической силой.

В. Миллюс (ИИ) охарактеризовал современные жилые дома и их интерьеры, а также пищу, свадебные обряды, кладбища литовских эмигрантов послевоенного периода, поселившихся на восточном побережье США. Докладчик пришел к выводу, что жилые дома, их обстановка и пища у литовцев те же, что и у англоязычных американцев. Литовские национальные черты проявляются лишь в отдельных элементах декора интерьера и свадебных обрядов, а также в надписях и национальных мотивах орнаментов на надгробных памятниках. Литовские национальные черты наиболее выражены в общественной и культурной жизни, направленной на сохранение этнической самобытности.

Два докладчика коснулись этносоциологических проблем современности. Й. Мардоса (Вильнюс, пединститут) рассмотрел послевоенные преобразования систем сельских поселений в Литве, напомнив о длительном процессе распада деревень на хутора и образовании новоселий в результате земельной реформы Литовской республики (1922 г.). Докладчик подчеркнул, что в послевоенный период в связи с этнодемографическими изменениями и коллективизацией сельского хозяйства в Литве начался обратный процесс — строительство новых сельских поселков. Изменения в структуре расселения вызвали усиленную миграцию населения и распространение в центральных поселках обобщенных форм этнической культуры. Локальные ее черты в большей степени сохранились в так называемых неперспективных поселках и хуторах.

П. Кальнюс (ИИ), основываясь на результатах полевых исследований, проведенных в 1977—1989 гг. в городах Каунасе, Вильнюсе, Электрей и Шальчининкай, а также в Шальчининском, Швянчёнском, Зарасайском и Варенском районах, рассмотрел особенности формирования польского этнического меньшинства, влияние межэтнических браков на процесс этнической ассимиляции поляков в Литве. По мнению докладчика, ассимиляция поляков происходит более интенсивно, чем украинцев и белорусов, но менее интенсивно, чем русских. Кроме того, в силу объективных обстоятельств большая часть поляков Зарасайского, Шальчининского и Швянчёнского районов приобщается к русской культуре.

Во время дискуссии была выдвинута идея о создании общества этнографов и принято решение организовать секцию этнографов при Обществе истории Литвы. Участники конференции решили также обратиться к президиуму Академии наук ЛитССР, ректору Вильнюсского университета, в Министерство народного просвещения и Министерство культуры ЛитССР с предложением о воссоздании в Вильнюсском университете кафедры археологии и этнографии и создании специализированного ученого совета Вильнюсского университета и ученого совета Института истории АН ЛитССР с правом защиты кандидатских и докторских диссертаций по этнографии.

Р. Меркене, Я. Моркунене

© 1990 г.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В НОРВЕГИИ, ПОСВЯЩЕННАЯ 200-ЛЕТИЮ ГОРОДА ВАРДЁ

22—24 сентября 1989 г. в г. Вардё состоялась научная конференция «Севернорвежская прибрежная культура», посвященная исполнившемуся в этом году 200-летию этого пограничного города и морского порта. Ее организаторами были Тромсё-музей Университета в г. Тромсё и Вардё-музей (г. Вардё). Конференция проводилась в рамках традиционного «музейного семинара» повышения квалификации работников музеев Северной Норвегии. В работе конференции и семинара приняли участие представители 30 музеев из трех норвежских провинций — Нурланда, Тромсё и Финмарка. В качестве лекторов-докладчиков на конференцию были приглашены преподаватели Университета Тромсё и Архангельского государственного педагогического института имени М. В. Ломоносова.

Конференцию открыл мэр В а р д ё Т о р К у ф у д, приветствовавший ее участников. Рассказывая об истории и современных проблемах Вардё, Т. Куфуд обратил внимание на важное историческое положение Вардё как места контакта различных культур. Он также отметил важное значение установления отношений побратимства между Вардё и Архангельском как традиционными торговыми партнерами на севере Европы.

В первый день заседаний председательствовала Э. Боттенгорд — директор Тромсё-музея (г. Тромсё). С докладом «Севернорвежская прибрежная культура в исторической перспективе» выступила Р. Р. Б а л с в и к (Университет Тромсё). Она назвала три фактора, определившие специфику приспособления людей к жизни в полярной зоне: природу, духовный мир человека и материальную культуру (выделив в последней две культуры — социальную и политическую). Особое внимание докладчица уделила исследованию роли г. Вардё в историческом развитии севернорвежской береговой культуры. Рассматривая культурные процессы в контексте политической истории, Р. Р. Балсвик определила две основные функции г. Вардё — торгового морского поселения и пограничного пункта. Вардё, сочетавший традиционные функции европейского города — торговую и воен-

но-оборонительную, вместе с тем был особым арктическим портом «у края мира» и центром морского рыболовства. Важное значение для развития города имела меновая торговля норвежских рыбаков с русскими поморами, особенно усилившаяся во второй половине XIX — начале XX в. В это время происходит быстрый рост населения города (с 400 человек в 1850 г. до 2400 в 1900 г.). Вардэ XIX — начала XX в. известен как центр торговли, «веселый Вардэ», город, живший праздничной жизнью морского порта, население которого противопоставляло в устной традиции «живой, танцующий Вардэ» соседнему порту — «сонному и мертвому Вадсе». После революции и гражданской войны в России поморская торговля прекратилась, и это вызвало спад экономической активности и кризис в экономике Вардэ. Однако надежды на восстановление связей с русским Севером «живы в Вардэ, этот город снова будет в центре внимания», — заключила докладчица.

Г. Братрейн (Университет Тромсё) в докладе «Поморская культура в Северной Норвегии» рассказал об исторических связях русской поморской культуры с культурой населения Северной Норвегии. Докладчик поставил проблему изучения коллекций русских вещей в музеях Северной Норвегии. Говоря о происхождении этих коллекций, Г. Братрейн связал массовое распространение русских вещей в Северной Норвегии с развитием арктического рыболовства у поморов (XVIII — начало XX в.), ростом меновой торговли в Финмарке (ее начало докладчик отнес к XVI в., а наиболее интенсивный период — ко второй половине XIX — началу XX в.), а также с появлением контингента русских наемных рабочих в Восточном Финмарке (конец XIX — начало XX в.). Особое внимание докладчик уделил поморской торговле в Северной Норвегии, выделив и охарактеризовав два ее типа — «купеческий» и «крестьянский». Меновая торговля с поморами имела большое значение для жителей Северной Норвегии. Основными продуктами обмена были с русской стороны хлеб, с норвежской — рыба. Снабжение населения арктической зоны хлебом и хлебными продуктами делало меновую торговлю жизненно важной для норвежцев, так как обеспечивало их выживание в Арктике и содействовало развитию норвежского рыболовства на Севере. В прошлом веке многие рыбаки и купцы из фюльке (область, адм. ед.) Тромс и Нурланд специально уезжали в Финмарк, чтобы торговать с поморами. Меновая торговля содействовала распространению в Северной Норвегии многих элементов материальной культуры русского происхождения: утвари (ложек, чашек, кружек, самоваров), обуви (катанок-валенков), лакомств (пряников). С XVIII в. в Финмарке производился также обмен русских денег, в Северной Норвегии появилась локальная биржа, в 1820—1830-е годы в Тромсё и окрестностях имели хождение русские медные монеты. У норвежцев сложился образ поморов как людей доброжелательных, гостеприимных, веселых, религиозных, музыкальных, трудолюбивых, честных в делах, но вместе с тем некоторые из поморов были способны на мелкие кражи, сильно выпивали. Заметны были и социальные различия между капитанами-купцами и рядовыми матросами. Матросы были бедно одеты, полуграмотны, грубы. Купеческие семейства Северной Норвегии стремились поддерживать тесные отношения с купцами Архангельского Поморья, держали для них всегда открытым кредит, брали их детей в свои семьи для изучения норвежского языка и отправляли своих детей жить в русские семьи в Архангельск и другие города Беломорья для изучения русского языка, торговли и рыболовства. Дети, рожденные норвежками от русских отцов, имели одним из своих имен «приставку» — *Russe, Ruse, Rus* («русский»); норвежские купцы часто называли своих детей в честь торговых партнеров русскими именами, такими, как Иван, Дмитрий. В XV — начале XX в. в Финмарке при взвешивании товара использовался «русский вес», практиковался «русский» посол рыбы, иногда — русское хлебопечение, приготовление пирогов с рыбой, («кулебяк»), приготовление кваса по русскому способу. Развившийся в XIX в. языковой феномен — пиджин «руссенорск» также является важным свидетельством взаимовлияния русской и норвежской культур. Контакт с русскими имел большое значение для развития северонорвежской культуры, он расширил взгляд норвежцев на мир, сделал вывод докладчик.

Значительный интерес вызвал совместный доклад Э. Ниеми (Университет Тромсё) и Т. Ф. Эйлертсен (Музей г. Бодё) «Деревянная архитектура Северонорвежского побережья». В нем была дана характеристика особенностей северонорвежских поселений, усадьбы, жилища, хозяйственных построек, типичных архитектурных украшений и т. п. Архитектура Северной Норвегии складывалась в результате сосуществования и взаимодействия различных этнокультурных традиций: саамской, финской, норвежской. Докладчики дали описание различных локальных типов построек: нурландского дома (*нурландхюс*), жилища рыбаков (*рорбу*), амбаров (от охотничьих саамских до рыбацких *науст* для лодок). Говоря о русском влиянии на деревянное зодчество Северной Норвегии, авторы привели такие примеры, как православная часовня Св. Георгия в Нейдене, наличие «русских домов» (*руссебюва*), в которых жили в норвежских селениях русские рыбаки, широкое использование бересты (она служила изолятором в норвежских домах как в фундаментах, так и при земляной кровле, а доставлялась из русского Поморья). В отличие от Западной Европы, где господствовала каменная архитектура, русский Север и Северная Норвегия были сферой распространения деревянного зодчества. В настоящее время в Финмарке сохранилось более 5000 деревянных построек довоенного времени. Докладчики назвали следующие факторы, влиявшие на северонорвежскую архитектуру в ее историческом развитии: климатические условия, народная традиция, а также новации, связанные с влиянием западноевропейской «моды» (так называемый «швейцарский» стиль) и межэтническими контактами. Архитектура северонорвежского побережья отразила конфликт традиции и «моды», «импорта» и локальных установок.

А. Н. Давыдов (Архангельский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова) выступил с докладом «Морская культура: контакты русского Севера с Северной Норвегией во второй половине XIX — начале XX в.». Докладчик выделил три уровня морской культуры: интерэтнический, национальный (этнический) и локальный. Морская культура как интерэтнический феномен представляет собой сложную многокомпонентную структуру, возникающую в процессе взаимодействия различных национальных и локальных традиций. На севере Европы докладчик охарактеризовал «голландскую» (XVI —

первая половина XVIII в.) и английскую (вторая половина XVIII—XX в.) эпохи в торговом мореплавании. В исследуемый период здесь сложилась устойчивая система городов-портов, состоявшая в партнерских отношениях. Русские порты Беломорья занимали в ней крайнее восточное положение. Среди торговых партнеров Архангельска (Лондон, Амстердам, Антверпен, Копенгаген, Любек, Гамбург, Бремен, Осло, Берген, Тромсё и др.) особое место занимали северононорвежские малые порты Гаммерфест, Вадсё, Вардё, Киберг, Хамнинберг и др. Именно сюда чаще всего заходили небольшие суда русских поморов. В период навигации Вардё, например, посещало 400—600 поморских судов. Во второй половине XIX в. таможенные льготы стимулировали развитие меновой торговли между русскими и норвежцами Финмарка, уже имевшей к тому времени давние традиции. Вместе с тем норвежцы активно участвовали в Маргаритинской ярмарке, проводившейся в исследуемый период в Архангельске ежегодно в начале сентября, и были единственными иностранными участниками этого крестьянского торга. Выработанный поморами и норвежцами язык-пиджин «рус-норвежск», состоявший из русских и норвежских слов, был важным элементом механизма взаимодействия культур на севере Европы. Контакты на бытовом уровне, меновая торговля и т. п., осуществлявшиеся регулярно в условиях арктической навигации, содействовали появлению ряда «норвежских» черт в поморской культуре (отдельные норвежские слова, бытование некоторых форм лодок, приспособленных к беломорским условиям (*шняки, ёлы*); предметы норвежского или другого иностранного производства, купленные в Норвегии (ром, компасы, предметы утвари, одежда, посуда). Дети норвежских купцов жили в семьях архангельских партнеров и т. п. Смешанные браки были не очень часты. В поморских деревнях, например Зимняя Золотица, дети от смешанных браков носили прозвище «норвя». Значительный интерес представляет анализ восприятия поморами норвежской культуры. Докладчик отметил две диалектически связанные между собой черты этого восприятия: стремление к «освоению» («идентификации») на уровне морской культуры («Онега — та же Норвега») и противопоставление с завышением статуса норвежской культуры («все, что в Норвегии, хорошо, в России — плохо»). Значимость для русского Севера контактов с Норвегией была символически закреплена в Архангельске, «столице Беломорья», особым названием улицы — Норвежская.

Во втором докладе — «„Новое музееведение“ — путь реанимации морских традиций» А. Н. Давыдов рассмотрел опыт и возможности новых, нетрадиционных форм музейной работы, направленной на возрождение морских традиций, при этом особенно выделил роль отреставрированных действующих старинных парусных судов и их моделей. Другое важное направление музейной работы — привлечение детей, молодежи с целью возрождения и развития морских традиций.

Доклад Т. Ф. Эйлертсен (Музей г. Бодё) назывался «Северонорвежская береговая культура в музее». По мнению докладчицы, северонорвежские музеи должны стремиться представить весь пласт традиционной приморской культуры, включая демонстрацию не только предметов рыболовства, одежды, орудий земледелия и промыслов, но также показ крупных объектов (маяков, пристаней) и ценностей устного народного творчества. Опыт крупных музеев под открытым небом, таких, как Майхауген (Лилленхаммер), не пригоден для маленьких музеев, которые нуждаются в собственной концепции. Докладчица считает, что нужно создавать на базе малых музеев центры возрождения береговой культуры с ориентацией на локальные традиции. Утрата народом исторической памяти, корней, традиций, распространение массовой культуры, по ее мнению, резко повышает ответственность и роль музеев в современном обществе.

А. Скянке (Варангерский саамский музей, Варангерботн) рассказала об опыте работы и проблемах своего музея, крупнейшего музея саамской культуры под открытым небом как в коммуне (уезд, адм. ед.) Нессебу, так и на всем полуострове Варангер. Экспозиция включает три раздела: археологический (комплекс Мортеснес), этнографический (саамский музей) и историко-архитектурный (церковь, кладбище и амбары в пос. Нессебу). Комплекс Мортеснес — один из наиболее уникальных памятников археологии в Северной Европе. Здесь на сравнительно небольшой территории компактно расположены памятники последовательно сменяющихся одна другую археологических эпох (поселения, жилища, погребения, культовые сооружения), начиная с каменного века (мезолит) и кончая началом XX в. Комплекс Мортеснес с прилегающей к нему территорией (1100 га) насчитывает более 300 памятников каменного века, сейчас это самая большая заповедная зона в Норвегии, находящаяся под охраной государства. Однако многие памятники разрушены, музей ведет их реконструкцию. Если Мортеснес — археологический музей под открытым небом, то Варангерский саамский музей — этнографический музей под открытым небом. Он отражает культуру и быт различных групп саамов Варангера и специфику их хозяйственных занятий: оленеводство, охоту, рыболовство морское и речное, земледелие. Здесь представлены также различные виды жилых и хозяйственных построек. Музей изучает влияние ландшафта на специфику хозяйственных занятий населения. Особое значение в настоящее время музей придает социальной активности, возрождению народных промыслов и ремесел, фольклора.

Т. Хултгрин (Музей Лофотенских островов, Кабелвог) рассказала о деятельности музея, расположенного в рыбацком поселке Кабелвог. Его экспозиция показывает историю освоения человеком этих островов с конца XVIII по начало XX в. В музее около 10 зданий. Его коллекция насчитывает более 5 тыс. предметов, фотофонд составляет более 12 тыс. старых фотографий. В интерьерах (например, контора богатого торговца) использованы не только старинные вещи, но и цветы, фрукты и т. п. Этнографическая экспозиция показывает особенности норвежской и саамской культур на Лофотенах. Археологический отдел экспозиции составляет раскопанное городище Вогра (XII в.) — первый город в Северной Норвегии. Его раскопки ведут музейные специалисты совместно с учеными Университета Тромсё. В настоящее время музей все больше внимания уделяет работе со школьниками, организует их занятия на территории музея, а также в недавно устроенном океанариуме. Для школьников подготовлена специальная литература краеведческого характера.

С. Нордмо (Гратангенский музей лодок, пос. Гратанген) познакомил с работой самого большого в Северной Норвегии музея крестьянского судостроения. В экспозицию входит около 30 судов различных типов, а также сараи и отреставрированные амбары для лодок, слип (место для ремонта судов) и причал. Музей имеет свою яхту, действующие рыболовные и китобойные суда (всего шесть единиц). Расположенный на берегу живописного фьорда музей устраивает мореплавательные экскурсии, знакомит с судходными качествами норвежских лодок, проводит морские праздники, лотереи, в ходе которых посетители могут выиграть даже новую лодку. Работа музея проходит в тесном контакте с местным обществом парусного спорта, которое насчитывает более 60 членов. Перспективы своего музея автор доклада видит в возрождении морской и особенно парусной традиции.

Подводя итоги конференции, Г. Братрейн (Тромсё-музей Университета Г. Тромсё) отметил плодотворность состоявшегося обмена мнениями и обратил внимание на перспективы сотрудничества и междисциплинарных исследований с участием норвежских и советских специалистов в области истории, археологии, этнографии европейского Севера.

Специально для участников конференции была устроена автобусная поездка в Хамнинберг и Ведсё, где профессор Э. Ниemi (Университет Тромсё) провел экскурсию, рассказав о памятниках архитектуры и этнической истории Финнмарка.

А. Н. Давыдов, П. Саариниemi

© 1990 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «СБОР, ХРАНЕНИЕ, РЕСТАВРАЦИЯ И ЭКСПОНИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ ТРАДИЦИОННОГО АФРИКАНСКОГО ИСКУССТВА»

18—20 октября 1989 г. в Италии во Флоренции проходил симпозиум, приуроченный к грандиозной выставке в Форте Бельведер «Великая скульптура Черной Африки», объединившей шедевры традиционной африканской пластики из ведущих музеев и частных собраний мира. Инициатором проведения выставки и симпозиума выступили Международный университет искусств из Флоренции и Ассоциация Поро, объединяющая исследователей, собирателей и любителей традиционного искусства, из Милана. Главным спонсором выступал миланский предприниматель, знаток и собиратель произведений африканского искусства К. Монзино. В работе симпозиума приняли участие около 50 представителей художественных и этнографических музеев Европы, США и ряда стран Африки, искусствоведы, этнографы, реставраторы.

Торжественное открытие симпозиума состоялось в городской ратуше Флоренции «Палаццо Веккио» в присутствии мэра и представителей Министерства культуры Итальянской республики. Рабочие заседания проходили в помещении Международного университета искусств — «Вилла иль Вентаглио».

Во вступительном докладе организатор симпозиума профессор Э. Бассани — один из крупнейших в мире авторитетов по традиционному африканскому искусству — остановился на проблемах соотношения этнографического и искусствоведческого подходов к традиционной пластике Африки, подробно рассмотрел так называемый «второй африканский бум» — новый после начала века всплеск интереса к традиционному африканскому искусству. На этот раз указанный феномен связан не столько с художниками и музыкантами, сколько с искусствоведами, коллекционерами, музеями. Вновь открылись музеи африканского искусства в США при Смитсоновском институте, при Вашингтонской национальной галерее, ряд частных и государственных музеев в США, Англии, Франции и т. д. Африканские фонды созданы и в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. Об этом, в частности, было официально сообщено в ходе симпозиума.

Несовпадение этнографического и искусствоведческого подходов к предметному наследию традиционных африканских культур прослеживалось практически во всех докладах. Так, ученые, наблюдавшие культуру африканцев в полевых условиях и изучавшие контекст создания и использования художественных предметов — М. МакLeod (Великобритания), А. Тунис (Западный Берлин), С. Блайер (США), Э. Кастелли (Италия), В. Р. Арсеньев (СССР) — подходят к квалификации предметов традиционной культуры как произведений искусства расширительно. В. Р. Арсеньев в своем докладе «МАЭ и проблемы изучения и экспонирования предметов традиционных культур Африки» предложил ввести иерархию в оценке меры художественности, начиная с дизайна.

Куда более категоричны были искусствоведы, настаивавшие, что произведениями искусства можно считать только предметы, наделенные высокими эстетическими качествами. Э. Бассани настаивал, что «к предметам искусства может быть отнесено только то, что сопоставимо с признан-